ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Манускрипт • Manuscript

2025. Том 18. Выпуск 3 | 2025. Volume 18. Issue 3

ISSN 2618-9690 (print)

Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Соотношение идеологии и науки: социально-философское измерение

Романова П. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявление общих и отличительных характеристик науки и идеологии в социально-философском измерении, а также анализ их аксиологических и институциональных оснований. В статье рассматриваются исторические условия возникновения данных феноменов, их внутренняя структура и функции, роль ценностных установок в формировании научного знания и идеологических представлений, а также механизмы их трансляции в социальное пространство. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предложено систематическое сопоставление науки и идеологии в аксиологическом и институциональном аспектах, что позволяет выявить их типологическую и генетическую близость при наличии принципиальных различий. В результате исследования установлено, что наука и идеология возникли в эпоху распада традиционного общества и формируются на основе рационалистической картины мира, однако их функциональные различия заключаются в том, что наука стремится к познавательной нейтральности, тогда как идеология неизбежно оперирует ценностными категориями. Кроме того, различны и каналы трансляции: наука функционирует преимущественно через систему образования, в то время как идеология использует также средства массовой информации и публичную риторику. Полученные выводы позволяют уточнить понимание взаимодействия науки и идеологии в социально-философском контексте.

EN

The relationship between ideology and science: a socio-philosophical dimension

P. D. Romanova

Abstract. The study aims to identify the common and distinctive characteristics of science and ideology in a socio-philosophical dimension, as well as to analyze their axiological and institutional foundations. The article examines the historical conditions for the emergence of these phenomena, their internal structure and functions, the role of value orientations in the formation of scientific knowledge and ideological representations, as well as the mechanisms of their transmission into the social space. The scientific novelty of the work lies in the fact that it proposes, for the first time, a systematic comparison of science and ideology in axiological and institutional aspects, which makes it possible to reveal their typological and genetic proximity while having fundamental differences. As a result of the study, it was found that science and ideology arose in the era of the collapse of traditional society and are formed on the basis of a rationalistic picture of the world; however, their functional differences lie in the fact that science strives for cognitive neutrality, while ideology inevitably operates with value categories. In addition, the channels of transmission are also different: science functions mainly through the education system, while ideology also uses mass media and public rhetoric. The findings allow us to refine the understanding of the interaction between science and ideology in a socio-philosophical context.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема соотношения науки и идеологии на протяжении XIX-XXI вв. занимает центральное место в философском и политическом дискурсе, отражая фундаментальные вопросы формирования мировоззрения и общественного сознания. Научные и идеологические системы оказывают значительное влияние на социальные практики, определяя способы восприятия и интерпретации действительности. При этом в современной философской мысли недостаточно изучены аксиологические и институциональные аспекты их соотношения, что предопределяет необходимость комплексного анализа данного феномена.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250168

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Задачи исследования:
- выявление исторических условий возникновения и развития феноменов идеологии и науки;
- определение основных факторов порождения научного знания и идеологических концепций;
- анализ институциональной составляющей науки и идеологии.

В исследовании применяются следующие методы: историко-генетический – для анализа процессов генезиса и эволюции феномена идеологии и науки; сравнительный – для сопоставления феноменов идеологии и науки; структурно-функциональный метод – для анализа структуры и функций идеологии и науки.

Теоретической базой исследования послужили работы представителей научного реализма (Агацци, 1998) и конструктивизма (Фейерабенд, 2005), культурной антропологии (Гирц, 1998). Также рассматривались работы отечественных авторов, сопоставляющих идеологию и науку в эпистемологическом ключе (Демин, 2015; Мамчур, 2010; Яцевич, 2019).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты, а именно выявленные общие черты и отличия идеологии и науки в аксиологическом и институциональном аспектах, могут быть использованы в дальнейших исследованиях, а также при разработке лекционных курсов и планов практических (семинарских) занятий по философии, политологии, социологии и культурологии.

Обсуждение и результаты

Проблема взаимосвязи науки и идеологии привлекает к себе немалый интерес со стороны исследователей. В то же время в поле их зрения находятся в основном эпистемологические и когнитивные аспекты проблемы (Демин, 2015; Мамчур, 2010; Яцевич, 2019). Внимание также заслуживает и социально-философский аспект, а именно социокультурные факторы развития науки и идеологии – воздействие социально-институциональной среды на формирование научных знаний и идеологических представлений, процесс их трансляции и восприятие обществом.

Существуют две основные тенденции в оценке того, как соотносятся наука и идеология. Согласно одной из них, наука и идеология – полярно противоположные сферы, находящиеся в состоянии конфликта. Этот подход, прежде всего, связан с именем К. Маркса, заложившего основу философского анализа идеологии в целом. Он рассматривал идеологию как «мнимо господствующие метафизические, политические, правовые, моральные и иные представления» (Маркс, Энгельс, 1965, с. 17), отражающие деятельность людей по производству «необходимых им средств к жизни» (Маркс, Энгельс, 1965, с. 19), ее духовным измерением. В процессе производства люди находятся в разном положении по отношению «к материалу, орудиям и продуктам труда» (Маркс, Энгельс, 1965, с. 20), и те, кто оказывается их собственниками, образуют господствующий класс. Мысли же, т. е. идеология господствующего класса, становятся господствующими мыслями, будучи навязаны тем, кого господствующий класс эксплуатирует. Идеология искажает действительность в соответствии с интересами правящего класса, заключающимися в удержании политической власти и материального богатства. Этому и противостоит истинная наука, а именно само учение Маркса, которое рассматривает идеи вне отрыва от их классовой сущности. Все же остальное философское и претендующее на научность знание является лишь идеологией, отражающей интересы правящих классов.

Такая трактовка соотношения науки и идеологии стала на долгие десятилетия господствующей в марксистской мысли. Это касалось не только Советского Союза, где марксизм был единственно возможной общественно-научной парадигмой, но и во многом западных стран. Так, Л. П. Альтюссер (2006, с. 328) вслед за Марксом проводил решительную демаркацию сфер идеологии и науки. Преобладающей в идеологии является практически-социальная функция, в то время как в науке – теоретическая (познавательная). Как и Маркс, идеологией он считал все философские и научные (в его понимании – квазинаучные) концепции, выработанные до 1845 г., т. е. до создания Марксом «Немецкой идеологии». Именно тогда «подлинно научные» концепты «общественно-экономической формации», «производительных сил», «производственных отношений», «надстройки» сменили собой «философско-гуманистические» понятия «универсальной сущности человека», «свободы» и «разума» (Альтюссер, 2006, с. 322). Впрочем, не все трактовки Альтюссера полностью совпадали с идеями Маркса. Так, он не считал идеологию лишь совокупностью «мыслей господствующего класса». Она, с его точки зрения, перманентно присуща человечеству, относясь к сфере бессознательного (в этом, очевидно, сказалось влияние фрейдизма) (Альтюссер, 2006, с. 330), и должна сохраниться и в коммунистическом обществе, что подтверждается господствующей в Советском Союзе идеологией «социалистического гуманизма».

Глубокие различия науки и идеологии подчеркивали и многие авторы, работавшие вне марксистской традиции. Идеология, согласно У. Маллинзу (Mullins, 1969), подчиняет себе сферу рационального. Восприняв какую-либо идеологию, человек начинает под ее углом смотреть на мир и давать оценки окружающей его действительности. Кроме того, у идеологии есть выраженная нормативная составляющая, побуждающая человека совершать определенные социально значимые действия и воздерживаться от других. Наука же опирается на объективные факты, полученные в результате наблюдения и эксперимента, а выстроенные на их основе гипотезы подтверждаются путем верификации. Об опасности идеологии для науки, угрозе искажения последней результатов в случае проникновения идеологических стереотипов в академическую сферу писали В. Старк (Stark, 1958, p. 48), Т. Гайгер (Geger, 1958, p. 90-91), Т. Парсонс (Parsons, 1959, p. 25-49). Как отмечал Э. Агацци, науке свойственна в первую очередь «нейтральность» – т. е. «незаинтересованность», «свобода от предрассудков», «неподчинение интересам», в то время как идеологии – «некритичность», «догматизм», «нетерпимость» и «нефальсифицируемость» (1998, с. 65-69).

Постепенно, однако, начала набирать силу и другая тенденция – поиск черт и характеристик, сближающих науку и идеологию, вплоть до полного отождествления этих феноменов. Ю. Хабермас (2007, с. 50-117) полагал, что действия человека определяются как чисто рациональным выбором (взятое им у М. Вебера понятие «целерационального действия»), так и «институциональными рамками», т. е. идеологией. Если раньше, в традиционном обществе, роль идеологии играли миф, традиция и религия, то в настоящее время содержательную базу идеологии составляет наука. Иными словами, Хабермас фактически считает два этих феномена идентичными. Возникновение новых типов «символического действия» и «культурных систем» к финалу традиционной эпохи относил и К. Гирц. Именно тогда «чтимые мнения и жизненные правила ставятся под сомнения», человек теряет веками казавшиеся незыблемыми ориентиры, ему нужна новая «дорожная карта» (Гирц, 1998, с. 23-25), и он получает ее в виде новых «символических структур» – науки и идеологии, – которые, как и «критические и художественные сочинения», являются ответом на возникшие вызовы. Различия между ними проходят лишь по линии стилистики: наука диагностична – идеология оправдательна; наука критична – идеология апологетична и т. д. (Гирц, 1998, с. 32-33). Наконец, П. Фейерабенд полностью отождествлял науку и идеологию, поскольку, с одной стороны, он рассматривал идеологию предельно широко, как любую систему понятий, с другой – отказывал науке в наличии какой-то особой методологии, которая отличала бы ее от всего «ненаучного» (2005, с. 224).

Фактически можно говорить о том, что зарождение идеологии и науки относится именно ко времени распада традиционного общества. Разрушение религиозной картины мира вызвало к жизни как науку в современном ее понимании, так и идеологию. Они не просто появились в одно и то же время, чтобы заполнить возникшую в общественном сознании брешь, но и выросли на одной и той же основе – западноевропейском нововременном рационализме и логоцентризме (Яцевич, 2019, с. 171-179). Это были неотъемлемые части секулярной, рациональной картины мира. Как науке присущи несомненная внутренняя логика и рациональность, так в значительной степени они являются и отличительными чертами идеологии. Д. Минар (Minar, 1961, p. 317-331) отмечал, что идеи и концепты, составляющие идеологию, связаны определенной логической структурой. Даже Альтюссер (2006, с. 328) в конечном счете признавал, что идеология так или иначе отражает реальность. Иными словами, материал и для науки, и для идеологии составляет рационально воспринимаемая действительность, без сверхъестественного и магии. Эта действительность может восприниматься как непосредственно, в случае науки – через наблюдение и эксперимент, так и опосредованно, что более характерно для идеологии, причем посредником здесь выступает именно наука. Идеология нередко черпает свой материал из данных науки, что является еще одним доказательством в пользу определенной близости между ними.

Конечно, доказательность науки опирается на развитую систему верификации выдвигаемых гипотез и давно и безукоризненно разработанные критерии истинности, так называемый научный метод, чего нет в идеологии. Однако нельзя отрицать, что и для идеологии характерно определенное стремление убедить реципиента в своей правоте с помощью логических аргументов. Попытки придать идеологическим декларациям хотя бы иллюзию аргументированности могут предприниматься даже в тоталитарных режимах, где, казалось бы, согласие с официальной доктриной достигается за счет одних репрессий. Такова выпущенная в 1952 г. работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он логически обосновывал сохранение товарного производства в Советском Союзе (Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 3-30). Таким образом, и идеология, и наука – это явления одного порядка. Они порождены новоевропейской секулярной культурой как ответ на вызовы, связанные с крушением традиционного мировоззрения. И наука, и идеология базируются на рациональности и, несмотря на определенные различия, вместе противостоят мифу и религии с их апелляцией к вере в чудо. Грань, отделяющая их от традиционных религиозно-мифологических представлений, все же более существенна, чем барьер между ними.

В то же время очевидно, что рациональность – это отнюдь не единственный источник формирования, функционирования и восприятия идеологий. Если наука является суммой фактов, на которые, как писал Л. Витгенштейн, «распадается мир» (2017, с. 36), то идеология дает этим фактам оценку, называя одни факты «хорошими», а другие – «плохими». Именно эта оценивающая функция, очевидно, и составляет главное отличие идеологии от науки. Кроме того, не вполне ясно, на какой основе осуществляется выбор этих оценок создателями идеологии и что заставляет аудиторию предпочитать определенную идеологию остальным? Иными словами, почему, например, либеральная идеология рассматривает имущественное неравенство как позитивное, а социалистическая – как негативное явление, и почему одной части общества оказывается ближе либеральная идеология, а другой – социализм? Ответ заключается в том, что каждая из идеологий опирается на различные ценностные основания: либеральная мысль исходит из примата индивидуальной свободы и конкуренции как естественного механизма распределения ресурсов, тогда как социалистическая традиция исходит из принципа социальной справедливости и равенства как фундаментального условия общественной интеграции. Тем самым различие оценок отражает не просто разные интерпретации одного и того же социального факта, но и различные онтологические и аксиологические предпосылки, встраивающие индивида в социальное целое.

В науке, как уже было отмечено, сами факты устанавливаются на основе наблюдения и эксперимента, а образованные из них концепции отбираются путем процедуры верификации. Очевидно, что в идеологической сфере должны быть какие-то иные механизмы, позволяющие наделять факты действительности оценками и заставляющие аудиторию принимать те или иные идеологии. Маркс и близкие ему мыслители писали в первую очередь об интересах, т. е. прежде всего о материальной заинтересованности, которая заставляет человека придерживаться тех или иных взглядов (Маркс, Энгельс, 1965, с. 18). Еще Т. Гоббс (1936, с. 100)

утверждал, что любая политическая теория при попытке воплощения ее в жизнь подвергается корректировке или даже отвергается, «оспаривается как пером, так и мечом» с учетом человеческих интересов. В структуралистской и постструктуралистской традиции (Барт, 2008; Фуко, 2004; Деррида, 2000) идеология понимается как совокупность языковых, дискурсивных практик, безусловно принимаемых людьми и тем самым устанавливающих над ними свою власть. Выше уже рассматривались и попытки анализа идеологий К. Гирцем в рамках теории «символического действия». В дополнение ко всем этим гипотезам можно предположить, что немалую роль в создании и восприятии идеологий играют аксиологические факторы – определенные ценности, которые разделяют отдельные индивиды или целые социальные группы, т. е. то, что значимо, что важно для субъекта (Леонтьев, 1996, с. 17), то, что в силу своего жизненного опыта и личностных особенностей он оценивает как положительное для себя. Как отмечает Д. А. Леонтьев (1996, с. 22), ценности, разделяемые всеми или значительной частью общества, и являются идеологией, «идеологическими конструктами». Не только чисто материальные интересы, но и понимаемые более широко ценности могут способствовать формированию идеологических представлений, а также их восприятию или отторжению. Именно представления о том, что является хорошим, а что неприемлемым, закладывают основу для оценок фактов окружающей действительности в идеологическом конструкте.

Наука же, как во всяком случае требовал М. Вебер (1990, с. 707-735) и вслед за ним утверждал Э. Агацци (1998, с. 65-69), должна быть ценностно-нейтральной. Научные факты и концепции не должны генерироваться и оцениваться с аксиологической точки зрения. В этом заключается одна из основных этических установок науки, один из главных ее идеалов и еще одно важное ее отличие от идеологии. Вопрос только в том, насколько безупречно следуют ученые этому идеалу в своей исследовательской активности. Здесь можно было бы предположить, что степень риска привнесения в научную деятельность ценностных установок во многом определяется спецификой дисциплины, в которой работает ученый. В социально-гуманитарных науках, предметом которых является общество и люди, риск привнести в научную деятельность ценностные установки выше, чем в науках естественных и формальных. Р. Дж. Коллингвуд писал, что историк должен не просто воссоздать действия какого-либо исторического персонажа, но и попытаться ответить на вопрос о причинах этих действий, а достигается это лишь одним путем – через реконструкцию мыслей, к ним подтолкнувших. Чтобы воспроизвести эти мысли, исследователь должен перенести себя в ситуацию, в которой находился персонаж, и восстановить их в своем сознании, в контексте своего знания и опыта, а значит и ценностей (Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. и комм. Ю. А. Асеева. М., 1980, с. 206-207). «Каждое настоящее располагает собственным прошлым, – подытоживает Коллингвуд, – и любая реконструкция в воображении прошлого нацелена на реконструкцию прошлого этого настоящего, воспринимаемого здесь-и-теперь» (1980, с. 236). Иными словами, взгляд на историю – это всегда взгляд с позиций текущего момента во всем многообразии его особенностей, включая и ценностные. До какой-то степени это характерно и для других социально-гуманитарных наук. Таким образом, между идеологией и той частью науки, в центре внимания которой находятся общественные явления и процессы, нет непреодолимого барьера и в том, что касается воздействия ценностей. Не случайно, например, говорят о либеральной историографии или марксистской социологии или политэкономии.

Е. А. Мамчур усматривает в таком отклонении от идеала «нейтральности» серьезную угрозу для науки, поскольку «воздействие внутренней идеологии на ход и направление исследований может оказаться даже опаснее, чем влияние внешней идеологии (имеется в виду навязываемой государством. – *П. Р.*)». «Воздействие внешней идеологии хорошо осознается», а внутренняя идеология «чаще всего остается скрытой, неосознанной» (Мамчур, 2010, с. 60). Основной вопрос состоит в том, искажает ли такое «сближение с идеологией», привнесение ученым в исследовательский процесс своих ценностных ориентиров научное знание? Безусловно, искажает, однако надо иметь в виду, что на научное познание оказывают свое действие и многие другие факторы, лежащие вне его пределов. Наука является глубоко институционализированной и иерархичной сферой общественной деятельности. Еще Т. Кун ввел понятие научного сообщества: «В таких группах коммуникация бывает относительно полной, а профессиональные суждения относительно единодушными» (1974, с. 228). Научные сообщества, а внутри них самих, очевидно, наиболее авторитетные ученые, представляющие данную отрасль, обладают и определенной нормативной функцией. Они определяют, какие исследования должны проводиться, каким путем должны быть верифицированы и интерпретированы результаты. Все это также может сказаться на итогах научной работы. Нельзя отрицать влияние и иных институциональных и инфраструктурных факторов, материальную зависимость сферы науки и многое другое. «Нейтральная», «чистая» наука является, скорее, идеалом, к которому надо стремиться, на практике же все гораздо сложнее, хотя, несомненно, ценности в формировании идеологических представлений играют гораздо более важную роль, чем в процессе производства научного знания, где их значение второстепенно.

Сама по себе высокая степень институционализации является еще одной характерной чертой науки, отличающей ее от идеологии. Научные ассоциации, журналы, ступени академической карьеры, виды и способы представления результатов – все это неотъемлемые элементы среды научных исследований. Идеология, если не считать ее официальных разновидностей в тоталитарных режимах, лишена такого уровня институционализации. Различаются и пути коммуникации науки и идеологии с обществом, механизмы трансляции ему научных знаний и идеологических представлений. Если в случае науки таковым выступает прежде всего система образования, нацеленная на создание у обучающихся научной картины мира, то в случае идеологии образовательные институции дополняет еще один важный рычаг – СМИ и публичная риторика. Их успех

нередко определяется спецификой момента, когда общество оказывается наиболее готово к их восприятию. В этом отношении весьма показателен пример, приведенный К. Гирцем. Черчилль, произнеся знаменитый пассаж о том, что англичане будут «сражаться на взморьях, на посадочных площадках, в полях и на улицах, <…> сражаться в горах», повернулся к своему адъютанту и прошептал: «И закидаем их бутылками из-под содовой, потому что винтовок у нас нет» (Гирц, 1998, с. 32-33). Тогда ему было совершенно не обязательно говорить правду, называть точное число винтовок. Общество восприняло его слова как прямой сигнал к действию, поскольку то, что он сказал и в какой форме он это сказал, было полностью созвучно настроениям англичан.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к заключению, что идеология и наука являются близкими друг другу феноменами, хотя между ними имеются и существенные отличия.

Во-первых, их отличает типологическая близость. Обе они описывают воспринимаемую человеком действительность, формируют картину мира, хотя и делают это разными способами, имея перед собой разные цели и задачи.

Во-вторых, это генетически близкие явления. Оба они появились в эпоху перехода от традиционного общества к обществу модерна, придя на смену религиозно-мифологической картине мира, имея в своей основе нововременной рационализм и логоцентризм. В то же время если для науки наиболее значима познавательная функция, выявление новых фактов об окружающей действительности, то идеология прежде всего дает этим фактам оценку. Большую роль при вынесении этих оценок играют интересы, включая материальные, существующие языковые практики и стереотипы, а также, как можно предположить, ценностные ориентиры. Это также отличает идеологию от науки, идеалом которой является ценностная нейтральность. Конечно, иногда ценности, наряду с другими вненаучными факторами, могут влиять на исследовательский процесс, но в целом их роль в производстве научного знания гораздо менее значима.

Наконец, отличаются и механизмы трансляции обществу научных знаний и идеологических представлений. Если в случае науки таким механизмом выступает система образования, то в случае идеологии она дополняется СМИ, что предполагает несколько иные стратегии и приемы убеждения.

Таким образом, можно утверждать, что грань между идеологией и наукой, особенно наукой социально-гуманитарной, хотя и существует, но все же является достаточно гибкой и подвижной. Бывают случаи, когда идеология вторгается в сферу научных исследований, но в то же время и сама она испытывает на себе влияние науки, черпая из нее материал.

Осуществленный анализ выводит на проблему соотношения идеологии не только с наукой, но и с другими подобными феноменами – мифом, религией, литературой и искусством. Изучение их взаимосвязей может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Источники | References

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.
2. Альтюссер Л. П. Марксизм и гуманизм // Альтюссер Л. П. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. М., 2006.
3. Барт Р. Мифологии / пер. с франц. С. Н. Зенкина. М., 2008.
4. Вебер М. Наука как призвание и как профессия. М., 1990.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. С. Добронравова, Д. Г. Лахути. М., 2017.
6. Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29 (1).
7. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ., предисл. и ред. А. Ческиса. М., 1936.
8. Демин И. В. Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215).
9. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц., вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000.
10. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М., 1974.
11. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.
12. Мамчур Е. А. Наука, метафизика и идеология // Ориентиры / отв. ред. Т. Б. Любимова. М., 2010. Вып. 6.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1965.
14. Фейерабенд П. Как защитить общество от науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3. № 1.
15. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
16. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. В. Ю. Кильдюшова. М., 2007.
17. Яцевич М. Ю. Логико-мировоззренческие основания классической науки и идеологии // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе / под ред. С. А. Ковалевского. Кемерово, 2019. Вып. 2.
18. Geiger T. Ideologie und Wahrheit. Stuttgart – Wien: Humboldt Verlag, 1953.
19. Minar D. M. Ideology and Political Behavior // Midwest Journal of Political Science. 1961. Vol. 5. № 4.

20. Mullins W. A. The Concept of Ideology: An Analysis and Evaluation. Washington, 1969.
21. Parsons T. An Approach to the Sociology of Knowledge // Transactions of the Fourth Congress of Sociology. Milan – Stresa, 1959.
22. Stark W. The Sociology of Knowledge. L., 1958.

Информация об авторах | Author information

RU

Романова Полина Дмитриевна[1]
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

EN

Polina Dmitrievna Romanova[1]
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

[1] *polinaromannova@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.04.2025; опубликовано online (published online): 18.09.2025.

Ключевые слова (keywords): возникновение идеологии и науки; аксиологические аспекты идеологии и науки; институциональные аспекты идеологии и науки; emergence of ideology and science; axiological aspects of ideology and science; institutional aspects of ideology and science.